

Жанр биографии в творчестве В. Набокова («Дар», «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»)

В. Набоков в своем творчестве всегда тяготел к автобиографическому («Другие берега», «Speak, Memory», «Conclusive Evidence») и биографическому («Жизнь Чернышевского» в романе «Дар», «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» – художественные биографии, эссе «Николай Гоголь», статьи о Лермонтове, Тютчеве, исследование о Пушкине) жанрам.

В. Набоков, характеризуя автобиографический метод, писал: «Это – исследование тех элементов, которые сформировали меня как писателя» [1, с. 23]. Этот «метод» можно признать и как биографический: в «Жизни Чернышевского» прослеживается последовательное его применение.

Г. Мондри видит, как набоковский автор романа о жизни Чернышевского, хотя и отвергает биографии с «фрейдистским душком», «сам вводит психологическую мотивировку взглядов Чернышевского на искусство, широко использует бытовые факты, возводя их в принципы психологического параллелизма» [2, с. 79].

Так, Набоков сам указывает «источники» взглядов Чернышевского на искусство. Свойственное Чернышевскому обращение к матери на «Вы» воспринимается Набоковым как одно из обстоятельств, сформировавших взгляд Чернышевского на искусство: «Николя всегда говорил о матери почтительно, употребляя это наше удивительное множественное число, которое, как впоследствии его же эстетика, “пытается выразить качество через количество”» [3, с. 196]. Набоков обнаруживает еще один «источник» взглядов Чернышевского на красоту, искусство. В юности Чернышевский был влюблен в жену друга Н. Е. Лободовскую. Чернышевскому важно было осознавать, что его возлюбленная – эталон красоты, поэтому он постоянно сравнивал Лободовскую с другими женщинами и выставленными в витринах портретами красавиц. Все более убеждаясь в совершенстве красоты Лободовской, превосходстве этой красоты над красотой других «женских головок», Чернышевский записывал в дневник свои наблюдения, сравнения и отмечал свое пристрастие к сравнению, поиску доказательств, то есть анализировал свои действия. Набо-

ков, передавая сомнения Чернышевского в красоте Надежды Егоровны Лободовской и метод, избранный для «проверки красоты», писал: «Сама красота бедной женщины еще под сомнением; и метод, который Чернышевский избрал, чтобы прелесть ее проверить, определил все дальнейшее его отношение к понятию красоты... Таким образом понятие искусства с самого начала стало для него... чем-то прикладным и подсобным» [Там же, с. 199–200].

Биограф порой сводит жизнь Чернышевского к скоплению случайностей, повлиявших на его судьбу, различных «бы», «если бы», попыток судьбы. Так, лишь случай предопределил получение Чернышевским университетского образования. «Он был бы, как и отец, священником..., ежели бы не прискорбный случай с майором Протопоповым». Уволенный от должности члена консистории за неправильную запись в метрических книгах, отец Гавриил «захандрил и даже поседел». «...И Николе решено было дать образование гражданское» [Там же, с. 192]. Событие это стало поворотным не только Чернышевского, но и для судеб русской литературы и истории.

В том же контексте судьбоносности случайностей в биографии Чернышевского описывается в «Даре» ситуация с потерей рукописи «Что делать?» (Как известно, роман писался в Алексеевском равелине и был передан Н. А. Некрасову для публикации в «Современнике». По дороге в типографию Некрасов рукопись обронил и заметил это только дома. После подачи объявления в газету рукопись нашлась – ее принесли за объявленное вознаграждение.) Основываясь на воспоминаниях современников и тексте объявления, «даровский» биограф Чернышевского, детально воспроизводя информацию, далек лишь от констатации факта: в потери рукописи он видит возможный поворот в судьбе своего героя – попытку «тайной силы конфисковать книгу», «хотя бы от этой беды Чернышевского спасти». Попытка же не удалась (и это еще одна случайность: чиновник, подобравший сверток с рукописью, не выбросил его, «отложил». ««Уничтожь!» – напрасно молил безнадежный голос»), и «счастливая судьба книги» «гибельно отразилась на судьбе автора» [Там же, с. 256].

Заявленный автором «Дара» тезис: «Такова уж была судьба Чернышевского, что все оборачивалось против него... Он, скажем, за синтез, за силу тяготения, за живую связь..., а вот готовится ему ответ: распад, одиночество, отчуждение. Он проповедует основательность, толковость во всем, – точно по чьему-то издевательскому зазыву, его судьбу облепляют оболтусы, сумасброды, безумцы. За все ему воздается “отрицательной сторицей”, по удачному слову Страннолюбского, за все его лягает собс-

твенная диалектика, за все мстят ему боги... И какие неожиданные, какие хитрые формы приобретает это возмездие!» – «доказывается» фактами из биографии Чернышевского; то есть сами доказательства не придумываются биографом, информация черпается из имеющихся источников. Однако извлечение доказательств избирательно. Особенно показательны в этом отношении изложения в «Даре» ситуации с публикацией «Пролога» и попыток освобождения Чернышевского.

От «Пролога» Чернышевский на самом деле, как пишет автор «Дара», ожидал определенного дохода. Об этом Чернышевский писал жене в апреле 1868 года: «Здесь, от нечего делать, выучился я писать занимательнее прежнего для массы; мои сочинения будут иметь денежный успех» [4, с. 497]. Чернышевский имел в виду возможность публиковаться после отбытия каторжных работ. Достоверным является и то обстоятельство, что «надежды Чернышевского на литературные доходы не сбылись». Комментария требует названная в «Даре» причина: «...эмигранты... воровски печатали его произведения» [3, с. 257]. На момент создания «даровской» биографии Чернышевского вопрос о «воровском печатании» произведений Чернышевского бы полемичным. О «воровском печатании» произведений Чернышевского заявлено в записке А. Н. Пыпина на имя председателя литературного фонда К. Г. Репинского. В ней Пыпин, ходатайствуя о разрешении печатать работы находящегося в ссылке Чернышевского, писал, что к тяжким испытаниям автора «Что делать?» и его семейства присоединились и другие: «...и воровское печатание его произведений за границей». Пыпинская «Записка» и стала источником информации для Набокова и позволила доказать «удачное слово Страннолюбского» об «отрицательной стороне». Текст «Записки» опубликован в книге «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. Вып. 2» и в извлечениях во втором томе монографии Ю. Стеклова [5]. Пыпин под «воровским печатанием» подразумевал прежде всего издание в 1877 году «Пролога» эмигрантским изданием «Вперед!»

По убеждению Пыпина, «Пролог» печатался по копии, сделанной Антоновичем и Захарьиным с хранящейся у него рукописи. Бесспорно, публикация романа заграничным издательством отразилась на материальном состоянии семьи Чернышевского, но обвинение Пыпиным эмигрантов в «воровском» издании сочинений Чернышевского нельзя не признать безапелляционным. Е. А. Ляцкий на основании имеющихся у него материалов пришел к заключению об издании Лавровым (издание «Вперед!») «Пролога» по рукописи, не имеющей отношения к хранившейся у Пыпина: у Лаврова оказался список романа, «сделанный в начале се-

мидесятых годов М. Д. Муравским, находившимся в ссылке в Александровском заводе одновременно с Чернышевским». Через Г. И. Успенского и Г. А. Лопатина список был передан Лаврову. Выводы Ляцкого, как и «Записка» Пыпина, опубликованы в книге «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. Выпуск 2». О копии Муравского также упомянуто Стекловым. Следовательно, все указанные нами материалы по вопросу о публикации «Пролога» были доступны Набокову. Однако им использована лишь «Записка» (без указания на нее), необходимая биографу для подтверждения своей концепции, своего тезиса, установок.

Под этим же углом зрения – возмездия, «отрицательной сторницы» – рассматриваются в «Даре» попытки освобождения Чернышевского с каторги. Автор прямо заявляет об их «пагубности» для каторжанина.

Из всех попыток освободить Чернышевского наиболее известны и изучены две: действия Мышкина и Лопатина. Но Набоков в выборе этих случаев, видимо, руководствовался не только их известностью, но и возможностью ярко показать их несуразность и одновременно губительное влияние на судьбу Чернышевского. Вот как описывается в «Даре» попытка освобождения Чернышевского, предпринятая И. Мышкиным: «Если верить молве, Ипполит Мышкин, *под видом жандармского офицера* явившийся в Вилюйск с требованием о выдаче ему заключенного, испортил все дело тем, что *надел аксельбант на левое плечо вместо правого*» (курсив наш. –В. К.) [3, с. 257]. Источником информации для этого эпизода могли быть воспоминания современников – В. Г. Короленко и Н. В. Рейнгардта. По всей вероятности, это были мемуары Короленко. К такому выводу приходим, сопоставляя строки мемуаров Короленко, Рейнгардта и текста Набокова. Короленко: «Последний [Мышкин]... явился даже в Вилюйск *под видом жандармского офицера* Мещеринова и предъявил предписание о немедленной выдаче Чернышевского для препровождения из Вилюйска в Благовещенск. У исправника возникло подозрение, говорили, что у Мышкина аксельбант был повешен *на левое плечо вместо правого*, но это неверно. Важно было то обстоятельство, что мнимый Мещеринов не представил предписания от якутского губернатора, как это требовалось по инструкции» [6, с. 299–300]. Рейнгардт: «В одном из политических процессов судился бывший офицер корпуса топографов Мышкин, который обвинялся, между прочим, в покушении на «освобождение... Чернышевского»; означенный Мышкин, *переодевшись жандармским офицером*, с подложными бумагами прибыл в те места, где находился Чернышевский, которого он хотел освободить, но так как он по привычке надел аксельбант *не на то плечо, на котором но-*

сят офицеры корпуса топографов, то этим возбудил подозрение местного жандарма» [7, с. 272]. Выделенные нами курсивом строки показывают большую «детальную» «зависимость» набоковского изложения ситуации от текста Короленко, нежели от воспоминаний Рейнгардта. В принципиальном же моменте – причина неудачи попытки Мышкина по освобождению Чернышевского – автор «Жизни Чернышевского» оказывается «на стороне» Рейнгардта (аксельбант оказался не на том плече) и пропускает мимо сомнения Короленко («но это не так») и его замечание, что Мышкин не представил требующееся по инструкции предписание якутского губернатора. И жизнь Чернышевского в «Даре» опять оказалась зависима от нелепой случайности, допущенной, к тому же, «оболтусом». (Хотя, конечно, набоковская оговорка «если верить молве» и предполагает в некоторой степени недостоверность сведений).

«Жизнь Чернышевского» по количеству указанных в ней источников создает впечатление достоверности, объективности. Некоторые исследователи отмечают «тщательную документированность» биографии Чернышевского в «Даре» [8]. Источниковедческий анализ позволяет скорректировать категоричность таких выводов. При этом мы понимаем, что в художественной биографии всегда отражается общественно-культурная позиция автора, его мировоззрение, это самая субъективная разновидность биографического жанра. Все это, безусловно, проявляется и в интерпретации привлеченных источников. Однако при анализе источников «Жизни Чернышевского» слову «интерпретация», скорее, следует придать не значение, закрепившееся в литературоведении – «истолкование, объяснение, разъяснение чего-либо», а характерное для искусства «творческое раскрытие какого-либо произведения, определяющееся идейно-художественным замыслом и индивидуальными особенностями актера, режиссера, музыканта»; при этом автор биографии предстает режиссером и «аранжировщиком».

В «Даре» Чернышевский представлен «близоруким материалистом», мимо которого прошла русская природа, русская жизнь; «буффonom», «шутom». (Набоков обнаруживает пристрастие к корню «шут», создавая образ Чернышевского: «шуточные церемонии», «шутовская дуэль», «шутовство журнальных приемов»; и даже «шутовская казнь» – так иронизирует Набоков над гражданской казнью Чернышевского.)

«Жизнь Чернышевского» словно специально направлена на доказательство невозможности объективного отражения жизни знаменитой личности. Биограф из обширного круга источников выбирает лишь те, что подтверждают его концепцию личности героя книги.

Между тем, сам Набоков, видя в книге о Гоголе «весьма поверхностный очерк его жизни», считал, что биография Чернышевского написана «гораздо успешнее», «потому что основана на более глубоком изучении». «Как бы воспринял Чернышевский мой труд – это уже другой вопрос, но, по крайней мере, жесткая правда документов подтверждает мою правоту» [9, с. 275].

В книге Набокова Чернышевский такой, каким он требовался биографу.

Интересна набоковская характеристика самого жанра художественной биографии. «Идиотская биография романсэ», – говорит Годунов-Чердынцев в «Даре», задумав написать «Жизнь Чернышевского». «Любопытным творением» она названа в статье «Пушкин, или правда и правдоподобие», а биографы-романисты – «сочинителями модных биографий». Курьезность биографий Набоков видит в ситуациях, когда в основе биографического повествования лежит произведение писателя, то есть когда в поэме, романе отыскивают черты автора – героя биографии. «Наихудшим из выведенных доньше сортов литературы» названа она в «Истинной жизни Себастьяна Найта». Отвечая на вопрос интервью А. Аппелю о возможностях жанра литературной биографии, В. Набоков уподобил ее «двойной погоне»: «сперва преследует свой предмет биограф, продираясь сквозь дневники и письма, увязая в трясине домыслов, а потом вымазанного в грязи биографа начинает преследовать соперничающий специалист» [Там же, с. 18].

«Подлинная жизнь Себастьяна Найта» – первый англоязычный роман В. Набокова, впервые опубликованный в 1941 году. «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» выглядит не только календарно, но и тематически продолжением «Дара» [10, с. 213]. Себастьян Найт – знаменитый русский писатель-эмигрант, автор многих известных произведений. В романе у Найта два биографа: м-р Гудмен – бывший секретарь Найта и рассказчик В. – сводный брат писателя. Себастьян Найт для читателя – лицо выдуманное, но для его биографов – реально существовавший человек.

М-р Гудмен «своего» Найта, то есть биографию писателя, уже написал. «Трагедия Найта» – так называлась книга Гудмена – «получила хорошую прессу» [11, с. 73].

Рассказчик В. только пытается написать биографию Себастьяна Найта. В. по отношению к м-ру Гудмену выступает как «соперничающий специалист» – так Набоков усложняет ситуацию с написанием романизированной биографии, начинается вторая часть «двойной погони».

В.-биографу приходится буквально по крупицам собирать материал о своем брате, с которым он не был особенно близок, общаться с людьми, знавшими Найта, работать с документами – он стремится воссоздать истинный образ брата-писателя. В. – «соперничающий специалист» критикует, разоблачает «Трагедию Найта» как фарс мистера Гудмена.

В чем же обвиняется м-р Гудмен своим «соперником»? Как Годунов-Чердынцев в «Даре» приходит к выводу о невозможности написать биографию отца, «не заразив вторичной поэзией» образ его странствий, так Гудмен видит возможность написания книги о Найте лишь «под особым углом зрения». «Исчерпывающее исследование жизни», которое намерен написать рассказчик В., по Гудмену, – только зря потраченное время.

«Особому углу зрения» В. противопоставляет внутреннее понимание характера. Таким пониманием, как кажется самому В., он обладает. Необходимо обширное разыскание, чтобы по кусочкам, по осколкам собрать жизнь Найта.

Различны подходы у м-ра Гудмена и В. к пониманию проблемы «личность и эпоха». Для В. естественно, что Себастьян, в каком бы веке он ни родился, «веселился и печалился, радовался и тревожился, словно ребенок в цирке, вспоминая времена о завтрашнем походе к дантисту» [Там же, с. 78]. В. критикует Гудмена за цель его книги: показать Найта «как продукт и жертву того, что он именует “нашим временем”» [Там же, с. 74].

В целом «Трагедия Себастьяна Найта» – «поток философской патоки» и образные описания и анекдоты, взятые из записной книжки Гудмена: он был секретарем и записывал все замечания своего нанимателя.

В. не только пишет биографию брата, но и демонстрирует, как он это делает. Один из принципов В. – привносить в книгу как можно меньше своей персоны.

Проводя обширные разыскания, рассказчик В. говорит о невозможности описания жизни Себастьяна в какой-либо последовательности. Нарисовать «гладкое протекание героя из детства в юность» возможно, если этот герой – лицо выдуманное. С человеком реальным этого проделать нельзя, иначе получается одна из тех «*biographies romancées*», что представляют собой «наихудший из выведенных донныне сортов литературы».

Поэтому в основе повествования В. о Найте – история произведений Себастьяна. Остальное – процесс исследования, показ этого исследования. Сам же В. к концу романа полностью сливается с Найтом. В этом В. похож на Ф. Годунова-Чердынцева – автора биографии своего отца. (Годунов-Чердынцев – автор «Жизни Чернышевского» – соотносится

с м-ром Гудменом. В «Даре» Набоков пародировал героя биографии, в «Подлинной жизни...» – автора биографии. М-р Гудмен – «сочинитель модной биографии», «вымазанный... биограф».)

Набоков по-новому взглянул на жанр биографии, в частности, на художественную биографию. В его «биографиях романсэ» проявились черты, характерные для всего творчества писателя: пародирование, демонстрация «специальных» приемов творчества, игровой подход к литературе.

-
1. Цит. по: Маликова М. Э. В. Набоков: Автобиография. СПб., 2002.
  2. Мондри Г. В. Набоков как мастер скрытой пародии // Мондри Г. Вновь раскрытые литературные пародии. М., 1995.
  3. Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3.
  4. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений: В 16 т. М., 1939–1953. Т. 14.
  5. Стеклов Ю. М. Чернышевский. Его жизнь и творчество: В 2 т. М.; Л., 1928. Т. 2.
  6. Короленко В. Г. Воспоминания о Чернышевском // Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Саратов, 1959. Т. 2.
  7. Рейнгардт Н. В. Встречи в Астрахани // Там же.
  8. Анастасьев Н. Феномен Набокова. М., 1992. С. 93; Давыдов С. Что делать с «Даром» Набокова // Обществ. мысль. 1993. Вып. 4; Сердюченко В. Чернышевский в романе В. Набокова «Дар» // Вопр. лит. 1998. № 2.
  9. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / сост. Н. Г. Мельникова. М., 2002.
  10. Анастасьев Н. Феномен Набокова.
  11. Набоков В. Подлинная жизнь Себастьяна Найта // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 1.

Н. Н. Кундаева
г. Челябинск

Отражение импрессионистской модели мира в жанровой парадигме ранней прозы И. Бунина

В начале XX века происходят кардинальные изменения в художественном сознании целой эпохи, меняется мировоззрение поколения, а вместе с тем концепция человека и мира. Попытки найти новую систему координат связаны с поиском способов обновления художественной выразительности. В этот период зарождается модернистский тип культу-